

Зимой 1941–1942 года дипломы ленинградских вузов получили две с половиной тысячи молодых специалистов...

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, дорогая многим поколениям ленинградцев «Салтыковка»... Она в ту пору играла особую роль...

<...>

Существует немало документальных свидетельств о блокаде — от воспоминаний участников героической обороны Ленинграда до поражающего своим трагизмом дневника маленькой Тани Савичевой. Написаны очерки, повести и романы, многие «по горячим следам» — «Балтийское небо» Н. Чуковского, «В осаде» В. Кетлинской, книги В. Инбер, Н. Тихонова, Вс. Вишневского. Связь истории осажденного города с историей всей Великой Отечественной войны всесторонне рассмотрена в многотомной «Блокаде» А. Маковского. Выходят даже книги детей: первый прозаический сборник поэта О. Шестинского «Блокадные новеллы» — о суровом мире тех лет, увиденном глазами ленинградского ребенка.

А как воспринимали блокаду, что помнят о ней ныне «обыкновенные ленинградцы, работавшие и не работавшие, холостые и семейные, мастера, рабочие, дети, инженеры, медсестры»? Задавшись этим вопросом, А. Адамович и Д. Гранин поставили своей целью «записать, понять, сохранить все то, что было пережито, пережито, изведено душами людей, не вообще людей, а конкретных людей с именами и адресами, старых и молодых, сильных и слабых, тех, кого спасали и тех, кто спасал... Откуда брались силы, откуда возникла стойкость, где пребывали истоки душевной крепости!» Так была создана «Блокадная книга». Авторы труда «Пределы достоверности. Очерки документальной литературы» И. Янская и В. Кардин (М. : Сов. пис., 1981) считают, что в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина фактически впервые в литературе с такой полнотой предстает подвиг ленинградцев.

Это суровая книга, нелегкое чтение. Первая ее часть — сегодняшние

рассказы людей, прошедших через блокадные испытания, во второй использованы главным образом дневники того времени. «Мы начали с переживаний, — пишут авторы, — может, наиболее заповедных, к которым память рассказывающих (всех) прикасается осторожно, с особой болью и трепетностью... это голод, это обстрелы, бомбежки... Надо прежде всего представить всю меру лишений, утрат, мучений, пережитых ленинградцами, только тогда можно оценить высоту и силу их подвига».

Блокадный быт... Голод. А. Д. Григорович вспоминает об особой походке блокадников: «человек шел так, как против ветра идут, понимаете, вот наклонившись всем корпусом вперед, чтобы не упасть...

Дети Ленинграда... Сколько им выпало! А. А. Агронская запомнила имя своей первой учительницы — Елены Игнатьевны: «Она, когда мы впервые чему-то засмеялись в классе, — это было уже, наверное, в сорок четвертом году, в конце, класс почему-то захохотал, — она после этого пошла по домам, обошла родителей и всем говорила: «Сегодня ваши дети смеялись!» Это было самым важным сообщением».

Как выживали люди в нечеловеческих условиях? «У каждого был свой спаситель» — этими словами А. М. Арсеньевой, свято помнившей тех, кому она обязана жизнью, названа одна из глав «Блокадной книги». «Люди оставались в живых потому, — пишут ее авторы, — что их держало на ногах чувство любви, долга, преданности — ребенку, дорогому человеку, родному городу». Помогали друг другу как могли — посильной заботой, обычной честностью, подлинной самоотверженностью.

А. Адамович и Д. Гранин подчеркивают, что жители осажденного города мужественно переносили голод, страдания, смерть близких! Они работали, воевали, спасали осиротевших детей, организовывали больницы и стационары, снабжали их едой и топливом. Люди изыскивали любую возможность вернуться к привычной, «довоенной» деятельности. И какие взлеты человеческого духа противопоставлялись блокаде, какие часы истинного вдохновения! Работник одного из архивов Л. А. Мандрыкина

рассказывает в «Блокадной книге» о том, как стали собираться историки — по собственному почину — на своеобразный семинар: «Я, например, занималась двенадцатым годом, я говорила о партизанской тактике Дениса Давыдова. Ираида Федоровна Петровская, наш научный сотрудник (она сейчас работает в Институте театра и музыки), говорила о московском ополчении, псковском ополчении, о петербургском ополчении... Сербина рассказывала о борьбе тихвинцев со шведскими интервентами. — Лишь бы подальше от голода? — Да, это же была отдушина! Мы делали доклады часами, причем слушали так, что я не помню, чтобы когда-нибудь потом так слушали».

Изо дня в день работает со своими сотрудниками над «Историей Академии Наук СССР» директор академического Архива Г. А. Князев — один из главных героев второй части «Блокадной книги». И изо дня в день ведет дневник (выше мы уже цитировали его), осознавая свои блокадные записи тоже как работу историка — память о пережитом не должна уйти, раствориться. Огромная духовная энергия сконцентрирована на этих страницах. Ее питает вера в стойкость родного города, творчество Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова: «Мои учителя любви к человеку, к человечеству, великие гуманисты. Останусь верен своим учителям!»

Вел дневник и пятнадцатилетний мальчик Юра Рябинкин. Это один из самых поразительных документов «Блокадной книги». От обычных ребячьих забот поначалу — стремительное взросление. Трудное, искореженное войной. «Стойкость Юры Рябинкина кажется порой нестойкостью: голод справляется с ней, проламывает ее то тут, то там. Но она возрождается. С еще большей требовательностью к себе восстанавливается его забота, любовь к близким, ненависть к врагам, он мечтал, ему снилась победа!»

Размышляя о судьбах своих героев в блокаду, А. Адамович и Д. Гранин пишут «Общее у всех них было, пожалуй, вот что: каждый имел или искал (и находил) точку опоры не только в себе самом, но и еще в каком-то деле или

интересе. Главным делом для большинства была борьба с фашистами, защита Ленинграда — это держало прежде всего. У каждого были свои непосредственные обязанности, долг, ответственность...»

Сколько великих имен, сколько названий книг на страницах блокадных дневников! Над державинской одой глубоко задумывается Юра Рябинкин, ликует Г. А. Князев: «На столе у меня Петрарка, Верхарн, Ал. Блок... Мы еще живем!» Да, утверждают авторы, книга много значила и много делала в ленинградской блокаде: «Ее жгли пожары, она гибла при бомбежке, ею, наконец, топили буржуйки, плиты, ею разжигали, ею обогревались, и за это невозможно осуждать людей. Но книгу и защищали, ее спасали. Есть замечательные рассказы работников Публичной библиотеки, которые в самое голодное, отчаянное время перетаскивали в хранилища частные библиотеки умерших собирателей, ученых, библиофилов, те собрания, которые остались бесхозными, спасали книги из разбомбленных домов. Тащили их на санках, на тележках, на себе через весь город в книгохранилища Публички. Никто не заставлял их, не было на то указаний, ничем эта работа не поощрялась. Они любили книгу, они служили книге, поэтому они ее спасали». Глава, в центре которой поразительный рассказ об умирающем человеке, продолжающем спасать книги, называется «Тяжесть книг».

Замечено ли это самими авторами, но среди героев и персонажей «Блокадной книги» много библиотекарей, библиографов, архивистов. В Архиве Академии наук СССР служит Г. А. Князев, занимается библиотечным комплектованием, ведает фондами Дворца труда мать Юры Рябинкина. О днях блокады рассказывают главный библиограф Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина Галина Александровна Озерова, сотрудник этой же библиотеки Мария Васильевна Мошкова, заведующая нотной библиотекой Ленинградской академической капеллы Александра Александровна Агронская, архивист Людмила Александровна Мандрыкина, здесь повествуется о спасении ценнейшей библиотеки Пулковской обсерватории Виктором Рудольфовичем Бергом, о мужестве старшего

библиотекаря библиотеки Академии наук Шафрановского...

В первые дни и недели войны в ряды Красной Армии, народное ополчение ушло более 50 сотрудников Публичной библиотеки. Среди них был и один из героев «Блокадной книги» С. Г. Миляев, ставший в ходе сражений опытным артиллеристом. Под Ленинградом противостояли не только войска, но мировоззрения и мировосприятия. «Тот немецкий офицер, — пишут А. Адамович и Д. Гранин, — который навестившую его невесту «угостил Петербургом» — несколькими орудийными выстрелами, сделанными любопытной и боязливой ручкой патриотки фройляйн (факт, записанный Ольгой Берггольц), — и бывший работник Публичной библиотеки артиллерист Сергей Миляев, у которого в этом «Петербурге» умирающие от голода дети, — оба офицеры-артиллеристы, но один на стороне бесчеловечности, второй защитник человека и человеческой культуры во второй мировой войне».

Рабочие Нарвской заставы, кировцы, учителя, наборщики, библиотекари — бойцы народного ополчения, Ленинградского фронта не пустили врага в Ленинград. С. Миляеву не суждено было дожить до всенародного праздника Победы, но победы своих земляков — освобождения Ленинграда — он дождался. Сбылись пророческие слова историка Г. А. Князева, занесенные в дневник еще в блокадные дни: «Будет жить и процветать мой родной город. Дни страшной войны пройдут, а город останется...»

Город не только «остался». Он выжил, чтобы жить на века. В невероятных страданиях он не только сохранил себя, свое имя, славу, честь, он в великих потерях сохранил свою красоту, вернее, все отдал, чтобы сохранить ее для потомков. Сокрыт был под слоем серой краски золотой купол Исаакия, сняты с пьедесталов Аничкова моста знаменитые кони П. Клодта, обшит досками памятник «дедушке Крылову» в Летнем саду, закопаны в землю, укрыты в особых тайниках многие скульптуры. Огромный тайник находился в Петергофе, в тоннеле под Большим дворцом: здесь под

вражеским артиллерийским обстрелом, под бомбами, небольшая группа сотрудников музея укрывала бронзовые статуи работы великих русских скульпторов, которые таким образом сохранились до конца войны.

О горестных утратах и кропотливом восстановлении сокровищ Ленинграда существует уже обширная литература. Назовем, например, книгу С. Варшавского и Б. Реста «Подвиг Эрмитажа», воспоминания П. К. Балтуна «Русский музей — эвакуация, блокада, восстановление». Их дополняют отрывки из дневника, который вел во время блокады заместитель директора музея, искусствовед Г. Е. Лебедев (опубликованы в сборнике «Художники города-фронта»). В коротких строчках счет фашистским стервятникам, перечень разрушений и жертв. Страшных, варварских, невосполнимых!

Сегодня, спустя сорок лет, когда Ленинград — вновь прекрасен, когда самоотверженными усилиями людей возвращена миру его красота, выстрадавшая такой неизмеримой ценой, мы обращаемся к Памяти Ленинграда.

Не случайно, именно словами о памяти заканчивает свою книгу воспоминаний Г. К. Жуков. — Это — последние строки, последней ее главы, посвященной Ленинграду.

«Пусть наша молодежь за новыми кварталами, площадями и проспектами нынешних городов разглядит окропленные кровью минувшей войны улицы и переулки, разбитые и черные от пожарищ стены, вздыбленную землю, с которой руками советских людей, их дедов, отцов и матерей был сметен жестокий враг. Это стоило бы сделать пока живы очевидцы и участники героических событий великого прошлого.

И если верно, что нужно как можно скорее стирать с лица земли следы войны и разрушений, не омрачать ими жизнь живущих, то также необходимо передавать поколениям облик и дух героического времени войны».

Титова И. Ленинград: страницы мужества // Библиотекарь. 1984. № 2. С. 63–64.